

Уходящая натура

16+

Михаил Буриданов

Михаил Буриданов

Уходящая натура

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Буриданов М.

Уходящая натура / М. Буриданов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Любит или не любит? – вот вопрос, который мучает уже немолодого героя этого короткого рассказа. Как отнестись к его мучениям? – вопрос, над которым, возможно, задумается читатель.

Их познакомила его мать. Все её предыдущие попытки подобного посредничества он заведомо отвергал, не веря, что люди могут полюбить друг друга по чьей-то наводке. Он и женился вопреки материнским предостережениям и просьбе хотя бы не торопиться оформлять отношения с незнакомой, по сути, девушкой, в неделю ставшей его невестой. Был поражён её красотой и непосредственностью, доставшимися ему так просто и, согласно самооценке, незаслуженно. Уже через месяц после свадьбы он понял, что мать была права, но при постоянном взаимонепонимании, ссорах и даже полугодовом разъезде с женой, прожил с ней двенадцать лет, породил сына, из-за которого тянул с разводом до последнего и благодаря которому ни разу не пожалел о своём браке, и развёлся только тогда, когда утратил все сомнения в том, что семьи у него нет.

На этот раз мать его перехитрила. Сначала, ещё до развода, наверное, предчувствуя его неизбежность, она «ненароком» упомянула о некой, работающей в их театре «замечательной» девушке и, по-моему, одинокой, на что он никак не среагировал, но невольно запомнил услышанную в её голосе особенную проникновенность. Выждав несколько месяцев после развода, чтобы дать ему успокоиться и не показаться нарочитой, мать устроила их «случайную» встречу – зазвала его к себе в театр, чтобы передать добытый билет на единственный спектакль БДТ, впервые приехавшего в столицу после смерти Товстоногова.

Когда он вечером заглянул в её администраторский кабинет, мать чаёвничала с совсем молодой, не особо приметной девушкой по имени Женя. Из осторожности не торопясь их знакомить, она усадила его за стол, подала чай с пирожным и исподволь вовлекла в прерванный его появлением разговор, как оказалось, на злобу дня: о начавшейся приватизации, ваучерах и обстановке в стране – всё еще тревожной и непредсказуемой.

Мать так и не сумела освободиться от советской идеологии, поэтому он старался не вступать с ней в серьезную полемику. Но Женя немногословными репликами обнаружила не женский (в рамках его опыта) интеллект, добавивший шарма её визуальной неброскости. Настолько, что он поймал себя на мелькнувшем сожалении, что слишком для неё староват.

Через какое-то время мать сменила тему на театральную, подсказавшую, что и Женя имеет какое-то отношение к Мельпомене. Несмотря на карьеру матери, это была не его партия, и пока они осведомленно обсуждали предстоящий Чеховский фестиваль, он «законно» помалкивал, потягивая чай и присматриваясь к сероглазой (еще один замеченный штрих) девушке с возрастающим интересом.

Заговорив о фестивальном спектакле БДТ, мать, наконец, полезла в сумочку и извлекла два билета. Она продолжала беседовать с Женей, но рука с билетами маячила прямо перед ним, и он взял их без задней мысли, хотя и удивившись – точно помнил, что всего несколько часов назад мать просила приехать, чтобы забрать «билет».

Машинально прикидывая, кого пригласит, он вдруг увидел, что мать вопрошающе повела глазами в сторону своей гостьи, которая в свою очередь глаза опустила. И тут он всё понял. Только что им табуированное знакомство с молодой девушкой оказалось материнским проектом, мало того – с участием самой девушки. Это не могло его не насторожить, но, как выяснилось, не настолько, чтобы удержать от вытекающего из проекта соблазна.

Само собой получилось, что, попив на троих чаю, они с Женей одновременно стали прощаться со «свахой», с трудом скрывающей свою роль и надежду. Он уже решил не отказываться от доселе отвергаемого эксперимента и, выйдя на улицу, предложил девушке её проводить, почему-то совсем не будучи уверен, что она согласится.

– Разве что до метро, – подтвердила его интуицию Женя, ничем не проявляя своих ожиданий от происходящего. Он заглянул ей в глаза, но и они не подавали признаков для разоблачения. – Мы, кажется, не знакомы, – неожиданно добавила она, намекая на этикет и поселяя в нем оптимизм.

Шутливо поклонясь, он назвал своё имя, без того ей известное. Она назвала своё, по-прежнему не посылая хоть какого-нибудь сигнала, что имеет на него виды. Метро было рядом, и они лишь успели выяснить, что их ветки не совпадают.

– Так я провожу? – нерешительно справился он, начиная сомневаться в её участии в разговоре и не понимая, радуется ли его это или огорчает.

– Лучше как-нибудь в другой раз, – ответила Женя и, не ожидая его возражений, ступила на свой эскалатор, с готовностью потащивший её в ярко освещенную глубину.

Постояв под напором протискивающихся мимо пассажиров, пока Женя совсем не утонула, он побрел на свою ветку взбудораженный происшедшим и возвращением, как давно поверил, навсегда утраченного.

Вернувшись домой, если так можно назвать однушку, которую он снимал после развода, оставив квартиру жене и сыну, пожелавшему остаться с матерью, он завалился на кровать и отдался нахлынувшим на него чувствам. Он словно проверял их на вкус, убеждаясь, что не ошибся...

С юных лет он грезил о Той, с кем сумеет соединиться в неделимое целое. Все его многочисленные юношеские влюбленности начинались с этой грёзы, ни разу не достигнув желанной полноты, предполагающей её непрременную обоюдность. Иногда он ощущал это несказанное блаженство всеми фибрами, точно фантомную боль после ампутации с той разницей, что блаженство не отнимали, а его, наоборот, требовалось присоединить к предназначенному для него месту.

С появлением сексуального опыта грёзы, казалось бы, никак с ним не пересекавшиеся (увы), постепенно сошли на нет. Однако не захватили с собой желания завести семью, что он и проделал, когда появившееся вместо них опасение опоздать (все друзья давно переженились) и подходящий, по его мнению, случай, инициируемый неумной красавицей, пересеклись. Дальнейшие реалии и вовсе затушевывали в нем последнюю память о грёзах, всё чаще предлагая биться об углы семейного лабиринта, которые он снова и снова предпочитал заглаживать вместо того, чтобы искать выход...

На пожелание работницы ЗАГСа, выдававшей ему свидетельство о разводе, «не ошибиться в следующий раз», он убежденно ответил: «С меня хватит». А когда она, задержав на нем оценивающий взгляд, со знанием дела возразила: «Не похоже. Какая-нибудь подберет» – только усмехнулся двоякости прозвучавшего посула, услышав в нем и комплимент, и унижение. И вот, как когда-то шутил его дед, пожалте бриться! Он, кажется, и впрямь хочет, чтобы Женя его «подобрала», и готов поверить, что она – та самая, с детства желанная его половинка.

Переживая подробности неожиданной встречи, он подумал, что мать могла устроить её и без ведома Жени. Эта версия в корне меняла дело, но спрашивать мать значило усугублять её посредничество, и без того всё еще для него сомнительное. Решив, что в любом случае не отступит без попытки наступления, он сожалел, что не пригласил Женю в театр и не попросил телефон. Он не знал о ней ничего, кроме разоблаченного замысла матери, на чутьё которой, как никогда, хотелось надеяться...

Спектакль БДТ игрался через неделю. Три дня он ничего не предпринимал, не желая показаться ни Жене, ни матери рыбкой, легко клюнувшей на материнскую или их обеих удочку. Но поскольку он, как ни крути, клюнул, с наживкой надо было что-то делать. Помочь могла только мать, но она не подавала вестей. Он позвонил ей и спросил как ни в чем не бывало, нет ли у нее Жениного телефона. Мать как ни в чем не бывало тут же продиктовала телефон, видимо, зная его наизусть или держа при себе в ожидании сыновьяго звонка. Больше они ни о чем не говорили.

Вечером он позвонил Жене и спросил, не наступил ли «другой раз», чтобы он мог её куда-нибудь пригласить.

– Видимо, да, – лапидарно ответила Женя.

Не убоившись банальности места, он предложил ей встретиться через час «возле Александра Сергеича, а там решим». Она такую скорость отвергла, но согласилась встретиться завтра в том же месте и в то же время.

Он ждал её с букетом роз, мало в них понимая, но еще никогда не выбирая цветы с таким трепетным вниманием. Женя появилась из подземного перехода в длинной облегающей белой юбке, доминирующей на тонкой фигуре. «В чем-то белом без причуд...», – заворожено проассоциировал он, двинувшись навстречу заметившей его девушке.

Принимая цветы, она с удивлением тихо произнесла:

– «Супер стар» – мои любимые – и, вдыхая их аромат, почти про себя, но явно поощрительно прошептала: – Угадал...

Ему сразу стало тепло. Взяв Женю под руку, он повлек её обратно к переходу, чтобы для начала пройти по сокровенному Тверскому. На этом клочке Москвы, уж такова была здешняя аура, ему когда-то особенно тосковалось о Ней. Идя рядом с Женей под переливами приветливых фонарей вступающего в осень бульвара, он пьянел от мысли, что несбывшееся возможно, и впервые внутренне соответствовал празднику, творимому всем, что вокруг стояло и двигалось.

Вскоре он уже знал, что в детстве Женя увлекалась рисованием, но после музыкальной школы «по инерции» закончила Гнесинку и работает в театре; что разница в их возрасте – десять лет (меньше, чем он думал); и что его мать давно ей «почему-то симпатизирует, впрочем, взаимно». Ей он успел поведать о своем ТОО, придуманном на пару с завлабом, когда их отраслевой НИИ окончательно деградировал; о без сожаления брошенной почти перед выходом на защиту кандидатской; о том, что никогда так себя не уважал, получая деньги за сделанную работу; и, конечно, о том, какой кайф – работать, будучи самому себе хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.